

И снова встреча с каракалпакским писателем Тулепбергеном Каипбергеновым, одним из немногих, кто вошел в новый состав Верховного Совета СССР, ряды которого значительно поредели из-за нарастающего процесса суверенизации. Пока, к сожалению, ничего, кроме обострения общественно-политических и экономических проблем, увеличения числа «горячих точек» и очередных несбывшихся надежд он, пожалуй, не принес. Разговор вели мы в канун октябрьских праздников. И потому мой первый вопрос...

— Мне кажется, мы все время впадаем в крайности. То воспевали Великую Октябрьскую революцию, не жалея фимиамы, теперь вот стремимся перечеркнуть все, что она принесла, уничтожить то, что о ней напоминает...

— Опять же конъюнктура. Опять же мода!.. Именно революция дала моему малочисленному народу автономию. И пусть во многом это было декларативно, но мы почувствовали психологическое раскрепощение. Ведь наша история и биография — это тяжкая судьба народа-изгнанника. Сначала из Азии в Европу, а затем из Европы снова на родину предков.

Революция подарила нам слово «товарищ». Это слово открывает нас — и малочисленных, и многочисленных, и знатных, и незнатных, и грамотных, и неграмотных. Не надо забывать и о том, что именно революция объединила мелкие, подчас враждующие между собой ханства в большие единые национальные республики. А с другой стороны...

Раньше у каракалпаков была арабская письменность. И это давало нам возможность общаться со всеми тюркскими народами. За период советской власти нам трижды меняли алфавит, обрекая нас на определенную духовную изоляцию, глухоту и немоту.

И все-таки я не случайно назвал сейчас слово «товарищ». Меня давно беспокоит его судьба. Неужели Маяковский, когда говорил, что «слова у нас ветшают, как платье», имел в виду и это слово?

Как же нам все-таки называть друг друга сегодня, когда многие слова, в том числе и обращения, кажется, обветшали, утратили свой изначальный смысл, выхолены нашей горькой и бедной действительностью? По «половому» признаку — «мужчина, подойдите; женщина, подвиньтесь». Или, сообразуясь со скороспелыми амбициями, назову себя господином — глядишь, перестану быть рабом.

Тулепберген Каипбергенов:

Куйбыра. - 1991. - № 4. - С. 4.

МОЯ РЕЛИГИЯ — СОВЕСТЬ

Но ведь слово в своей первоначальности никогда не зависело от политической конъюнктуры. На моем языке слово «товарищ» звучит «жолдас». Оно служит мне своеобразным добрым паролем в общении с единомышленниками в любой точке земного шара. Как это было во все времена и у всех народов. Ведь еще почти 1400 лет тому назад это слово употреблял пророк Мухаммед.

«Так что же я приобрету, приняв твою веру?» — спросил его бедуинский вождь.

— Товарищество всех правозверных, — ответил пророк.

Критически оценивая свое прошлое, что в принципе вполне закономерно, не спешим ли мы огульно перечеркнуть и то хорошее, чем жили и держались многие поколения?

Конечно, можно, памятуя старые «имперские» времена, всех, кроме самих себя, называть инородцами, завести для них «черту оседлости» на современный лад, ввести таможенную, собственных пограничников, напечатать отдельные деньги и даже построить свой вариант Великой Китайской стены. Но какой стеной отгородиться от общей истории вместе пережитых лет? От бед и испытаний, которые не выбрали человека по национальному признаку. От тепла и участия, соединявших людей разных национальностей крепкими узами товарищества.

— Вот вы упомянули сейчас пророка Мухаммеда... А ведь многие весьма солидные ученые и общественные деятели всерьез рассуждают о создании некоего фундаментального исламского государства, о тотальном господстве исламской религии... Одни его страшатся, другие к нему стремятся.

— В моем понимании, у всех религий, будь то ислам, христианство, буддизм, иудаизм, одна цель — признание единого Бога, стремление к единству всех его сыновей и дочерей.

Не прав тот, кто сводит антагонизм народов исключительно к религиозным конф-

ликтам. Борьба идет и внутри религий. Воевали между собой исламские государства — Ирак с Ираном и Кувейтом. А разве не по разные стороны баррикад находятся сейчас многие грузины? А кровавые события в Югославии?! По-моему, люди сейчас воюют от недостатка веры, утраты нравственных ценностей, гуманистических идеалов. Потому что ни один бог никогда не призывает людей лишать жизни себе подобных.

Я был в прошлом году паломником в Мекке. В тот момент, как нам сказали, там собралось около шести миллионов человек со всех концов света. И ведь подобное происходит уже почти четырнадцать веков. Трудно запретить людям жить верой. Только мне показалось, что в понимании ислама самым неграмотным был я. Не знал слова молитвы. Вслед за другими совершал намаз, в сущности, лишь повторяя их действия.

Теперь я понял: человек должен жить с верой. Ведь очень часто это единственное, что у него есть. Пусть верит. Во время войны советские люди разных национальностей вместе боролись с фашизмом. Казалось бы, какое раздолье для межнациональных раздоров. Но мы все вместе победили потому, что сражались за святое дело. Так что с верой шутить нельзя.

— Но в то же время — на Бога надейся, а сам не плошай, гласит народная пословица. В ней мне видится мудрое предостережение от утилитарного отношения к вере, как к своего рода палочке-выручалочке, с помощью которой можно устранить все трудности на своем жизненном пути. «Вера города берет», но силой не кулаков, а духа и разума. Сегодня, когда людям возвращено их исконное право верить и духовно общаться с Богом, к сожалению, далеко не все осознали этот постулат.

Как-то пришла ко мне на прием делегация из одной автономной области. В свое время в их городе церковь отдали под краеведческий музей, и

теперь верующие требуют его выселить, а храм вернуть им.

— А что же будет с экспонатами, рассказывающими об истории вашего народа, вашей земли? — спросил я.

Пришедшие не смогли ответить вразумительно, из чего я сделал вывод, что перед ними этот вопрос не возникал и судьба музея им глубоко безразлична.

И тогда я сказал им: очень хорошо, что в вашем городе нашлись умные люди, которые отдали церковь под музей, а не под склад или просто не уничтожили, как стерли с лица земли тысячи храмов и мечетей.

Повторяю: я с уважением отношусь ко всем религиям. Не раз в разных соборах, музеях и картинных галереях Европы восхищался шедеврами, на которых изображены христианские святые и библейские сюжеты. Но я всегда воспринимаю их исключительно как произведения искусства. Ведь никто не видел лица Бога. И потом, даже самый гениальный художник все равно человек — земной и грешный — рисует его по своему усмотрению, привнес в картину свое, личностное видение.

— Ну уж коль скоро разговор зашел об уважении ко всем верам и всем национальностям, то как же объяснить тот факт, что так называемых инвертеров изгоняют из собственных жилищ и в Средней Азии, и в некоторых республиках Кавказа?

— Я могу сказать только о своей республике. У нас никого не выгоняют. Напротив, хочется, чтобы на нашей земле, которая так нуждается в трудолюбивых, знающих мастерах своего дела, их, вне зависимости от их национальности, было больше. Русский народ по своей природе самый спокойный и справедливый, терпимый и терпеливый. Русские в первые годы советской власти учили моих земляков водить трактор и машину, просвещали и лечили, никогда не попрекая тем, что сделано, и не требуя ничего взамен. Они жили вместе с народом, делили с ним

трудности и невзгоды, и память о них неизменно живет в сердцах каракалпакстанцев.

У нас прижились ссыльные уральцы, и вот уже для нескольких их поколений это родная земля. Они говорят и на нашем языке, трудятся вместе с нами, участвуют в тоях. Добро рождается от добра и пробуждает в человеке стремление помочь ближнему, поделиться с ним и силой своей, и хлебом насущным, ибо, как сказал великий Руставели: «То, что отдано, — твое».

— Мы немало говорим об индивидуальности каждого народа. Но за многие годы мы, с другой стороны, унифицировались до такой степени, что...

— Недавно перечитывал дневники Льва Толстого. Так вот он писал: «Жизнь, как отдельного человека, так и всего человечества, есть не переставшая борьба плоти и духа. В борьбе этот дух всегда остается победителем, но победа эта никогда не окончательна, борьба эта бесконечна, она и составляет сущность жизни».

Система низвела человека до винтика, привила ему равнодушие к чужой беде, равнодушие к делу. Вот с этим, по-моему, надо бороться прежде всего.

Однажды ко мне обратилась за помощью женщина, проработавшая во время войны в тылу и имеющая право на льготы наравне с фронтовиками. Она побывала в отделе социального обеспечения одного из районов моей республики и просила прикрепить ее к «ветеранскому» магазину.

— Принесите характеристику с того предприятия, где вы работали во время войны, — заявила ей сотрудница собес.

— Но ведь это было почти полвека назад. И зачем вам характеристика, если есть запись в моей трудовой книжке? — поразилась просительница.

Заметьте, именно просительница, ибо у нас, если «маленькому» человеку что-то и положено, он обязательно должен это униженно выпрашивать, обивать пороги, жаловаться, да и то могут не дать, не утруждая себя объяснениями. Правда, у «благодетельницы из собес» аргумент нашелся:

— Откуда я знаю, а может, вы там тогда (?) что-нибудь наворили...

Сейчас трудное время. Безработица ширится, как половодье, ломая и выворачивая с корнем судьбы людей. Есть у нее еще одна страшная сторона. Ведь под предлогом сокращения штатов некомпетентный начальник скорее уберет толкового подчиненного, чем неумеху, скорее умного, чем глупого, скорее смелого, чем труса.

— Но, быть может, в связи с происходящими событиями мы скоро увидим свет в конце туннеля!

— К сожалению, уверенности в этом не испытываю. За два года поменяли три экономические программы, но так ничего и не решились.

Мне кажется, мы сегодня напоминаем корабль, у которого нет ни точного курса, ни лопцы, ни конечного пункта следования, «Горе людям, которые видят, не зная что, которые стоят, не зная на чем», — сказано в Талмуде.

Я бы добавил: которые строят, не зная что, и слушают, не зная кого.

Не могу не коснуться самого для меня большого — проблемы Арала. Кто к нам только не приезжал! И все что-то обещали. Под сладкие звуки этих обещаний Арал скончался. Я предложил Горбачеву объявить 1989 год годом Арала. Но у Президента, видимо, нашлись другие глобальные проблемы...

— Есть еще один вопрос, который я просто не могу вам не задать. В своей искренней и проникнутой душевной болью статье, опубликованной недавно в Литгазете, ее автор приводит, на мой взгляд, в качестве истины слова восточного поэта: «Пусть нити, связывающие нас, оборвутся. Когда их снова затянут узлом, мы станем ближе друг к другу». Вы разделяете эту точку зрения?

— Конечно, можно сначала разорвать нить, а потом соединить ее, и многие считают это в порядке вещей.

Но ведь образовавшийся узел всегда будет напоминать о себе, как шрам на лице война напоминает ему о том, с кем воевал и кто причинил ему боль. А мы должны стремиться к тому, чтобы в наших отношениях не было ни узлов, ни шрамов. Зачем себя обманывать, что это благо?

Ибо в священных книгах сказано: если даже кровный враг приходит к тебе с покаянием, его необходимо простить. Тогда ты истинно верующий. Тогда ты Человек.

Беседу вела
Ирина ПИРОГОВА.